

**ЛУЧШИЕ РОМАНЫ
О СЫЩИКЕ
ДРОНГО**

ЧИНГИЗ
АБДУЛЛАЕВ

СЕМЕЙНЫЕ
ТАЙНЫ

МОСКВА

2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А13

Иллюстрация на обложке *В. Коробейникова*

Абдуллаев, Чингиз Акифович.

А13 Семейные тайны / Чингиз Абдуллаев. —
Москва : Эксмо, 2022. — 320 с. — (Абдуллаев.
Лучшие романы о сыщике Дронго).

ISBN 978-5-04-161322-8

Молодая немка Эмма Вихерт пригласила знаменитого сыщика Дронго в Потсдам на юбилей своей пожилой родственницы. Эмма знакома с Дронго уже много лет и прекрасно осведомлена о его уникальных способностях. Именно поэтому она больше других была заинтересована в том, чтобы международный эксперт присутствовал на юбилее. Как говорится, на всякий пожарный. Потому как женская интуиция подсказывала Эмме, что на банкете может произойти нечто из ряда вон выходящее. И молодая женщина не ошиблась — в самый разгар застолья виновница торжества Марта была отравлена смертоносным ядом. Дронго немедленно приступает к расследованию и сразу понимает, что убийца... ошибся.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-161322-8

© Абдуллаев Ч.А., 2021
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

Глава 1

Дронго шел по улице, направляясь к своему отелю. Накрапывал дождик. Ему всегда нравился дождь. Возможно, потому, что в его родном городе дожди были не столь частым явлением. Он помнил тропические ливни на экваторе, в сельве или в тропиках. А это был мелкий интеллигентный немецкий дождь, почти незаметный, даже если долго стоять под распахнутым небом. Но прохожие привычно ускоряли шаги, доставали зонтики, торопились в свои машины или под защиту соседних домов. А Дронго продолжал так же спокойно идти дальше, словно на прогулке, не обращая внимания на этот мелкий дождь. Он даже не поднимал воротника своего плаща, словно привык гулять именно под таким дождем в этом небольшом немецком городе. Мимо прошла женщина, закрывавшаяся от до-

ждя темным зонтиком. Дронго посторонился, пропуская ее, когда она чуть подняла голову и неожиданно остановилась. Он непроизвольно ускорил шаг.

— Дронго? — услышал он уже за спиной голос.

Можно было сделать еще несколько шагов и завернуть за угол, но он остановился и оглянулся. Он мучительно пытался вспомнить, где именно мог видеть эту незнакомку. Обычно не подводившая память на этот раз не давала никакой подсказки. Она отказывалась повиноваться. Значит, он никогда не видел этой женщины. Но она назвала его прозвище.

— Простите, — сказал он по-английски, — я не владею немецким. В конце концов, слово «Дронго» на всех языках звучит одинаково.

— Ничего страшного, — улыбнулась незнакомка, — я говорю по-русски. Вы ведь знаете этот язык?

— Конечно. Простите, я не могу вас вспомнить...

— И не пытайтесь. Вы меня не вспомните. Десять лет назад я была в Астане, когда вы приезжали туда и встречались с Муканом Бадыровым. Мне было тогда немногим больше девятнадцати. Я дружила с его младшей сестрой. Мы

вместе учились. И однажды, когда мы были в кафе, вы зашли туда вместе с ее старшим братом. Он нас и познакомил. А потом его сестра целый год рассказывала мне о том, какой вы интересный человек и какой удивительный сыщик. Там была какая-то загадочная история, о которой она так и не смогла мне все рассказать. Что-то очень секретное и непонятное. Но самое поразительное, что мы, выйдя из кафе, сфотографировались. В последнее время я часто смотрю на эту фотографию.

— Вместе со мной? — не поверил Дронго. — Я обычно не фотографируюсь.

— Не с вами, — снова улыбнулась женщина. — Мы сфотографировались с подружкой, а вы сидели с Муканом за столиком в кафе. В этот момент нас осветило солнце, и вы случайно оказались на фотографии за стеклом. Я столько раз видела ваше лицо, что поневоле его запомнила. К тому же у вас с Муканом были романтические профессии. Сыщиков...

На этот раз улыбнулся Дронго.

— Теперь вспоминаю. Я еще тогда подумал, что могу оказаться на фотографии за стеклом, но не думал, что снимок получится четким. Обычно я сажусь в глубине зала, чтобы не попасть в такое глупое положение, но вы тогда си-

дели за столиком недалеко от входа, и нам пришлось разместиться за другим столом. Вы еще куда-то торопились.

— Неужели вспомнили? — поразились женщина. — Прошло столько лет. Мы торопились на семинар. Ой, кажется дождь усиливается! Может, нам лучше где-нибудь его переждать?

— Рядом есть кафе, — показал Дронго на соседнее здание, — только на этот раз сядем подальше от входа.

— Обязательно, — согласилась женщина.

Дождь усиливался, и они побежали в кафе. За столиком в глубине зала женщина сложила зонтик, сняла свой тренч и вместе с зонтом повесила его на вешалку. Дронго снял плащ и уселся напротив. К ним подошла официантка.

— Кофе эспрессо, — попросила незнакомка. — А вам?

— Чай, — ответил Дронго.

Официантка, кивнув, отошла.

— Давайте познакомимся, — предложила женщина. — Эмма Вихерт, по мужу Эмма Бузман.

— Меня обычно называют Дронго, — пробормотал он привычную фразу, — хотя об этом вы, кажется, знаете.

Ей было около тридцати. Рыжеволосая, с немного вытянутым носом, острыми чертами лица, большими зелеными глазами, которые сразу запоминались. Дронго еще в тот раз, когда увидел ее впервые, подумал, что эта девочка обещает вырасти в настоящую красавицу. Десять лет назад глаза были гораздо меньше, не было намечавшихся складок у губ, такого пристального, внимательного взгляда. И тогда она не называла своей фамилии. Просто сказала, что ее зовут Эмма.

— Я уже тогда понял, что вы не казашка, — сказал Дронго, — но я думал, что вы еврейка или украинка.

— Немка, — пояснила Эмма. — В Казахстане после войны оказалось много немцев. Это были не столько пленные, сколько выселенные из Поволжья немцы, высланные туда целыми семьями. Моего деда переселили туда с четырьмя детьми. Дед был коммунистом, но это не мешало советской власти отправить его со всей семьей в Северный Казахстан. Мой отец был младшим сыном. Кстати, насчет украинки вы правы. Моя мама наполовину украинка. И наполовину русская. Собственно, именно поэтому мы остались в Казахстане, когда в девяностые

многие этнические немцы покидали республику, переезжая в объединенную Германию.

— А вы остались в Казахстане? — понял Дронго.

— Остались. Я и моя старшая сестра. Но через два года тяжело заболела мама, и мы решили, что нам все же лучше переехать в Германию. К тому времени мы обе уже получили высшее образование и решили, что так будет лучше. Поэтому и переехали сначала в Ганновер, а потом в Кёльн. Маму, правда, мы не спасли, она умерла через год после нашего переезда.

— И вы вышли замуж, — предположил Дронго.

— Только пять лет назад, — пояснила Эмма.

— И уже успели разойтись. — Он не спрашивал, а утверждал.

Она удивленно взглянула на него.

— Я сказала, что по мужу я Эмма Буземан, но не сказала, что развелась.

— Это мое предположение. Переезжающие в Германию бывшие советские граждане пытаются соответствовать местным традициям, ничем не выделяясь от остальных немцев. Поэтому многие отдают дань традиционным семейным ценностям и носят обручальные кольца. У вас такого кольца уже нет. Вы окликнули незнако-

мого мужчину, которого видели десять лет назад. Не думаю, что вы меня могли так хорошо запомнить, даже если сестра Мукана столь восторженно обо мне говорила. В студенческие годы такие вещи быстро забываются. Но вы сказали, что в последнее время довольно часто смотрите на эту фотографию. Это не обычная ностальгия, а некое разочарование вашим браком, когда подсознательно вы вспоминаете лучшие годы, проведенные в Казахстане. Я не прав?

— Правы, — вздохнула Эмма, — я не забыла, что вы сыщик.

— И еще один фактор, — продолжал Дронго. — Вы не хотите, чтобы кто-то узнал о ваших семейных проблемах. Поэтому подсознательно, представляясь, сначала назвали свою девичью фамилию, а затем сообщили мне вашу нынешнюю фамилию по мужу. Вот я и сказал, что вы успели разойтись, а не развестись. Очевидно, вы еще находитесь в стадии этого мучительного процесса.

— Все правильно, — согласилась Эмма, — наш судебный процесс еще не завершен. К сожалению, мои иллюзии быстро закончились. Слишком явное несовпадение наших взглядов. Наверно, мне следовало подумать об этом преж-

де, чем выходить замуж. Он вырос в Германии, а я сначала в бывшем СССР, а потом в независимом Казахстане, который в первые десять лет был типичным осколком бывшего Советского Союза. Сейчас, говорят, там тоже многое изменилось.

— Эпоха перемен, — напомнил Дронго. — Вам еще отчасти повезло. Когда происходили все эти потрясения, вы были маленькой девочкой. Сколько вам было лет в девяносто первом году?

— Девять, — засмеялась Эмма. — Здесь вы тоже правы. Я не совсем понимала, что происходит. Потом, уже в университете, начала осознавать, что именно произошло. Что мы потеряли в результате всех этих потрясений. Собственно, когда мама заболела, мы уже внутренне были готовы к отъезду.

— И тогда решили переехать в Германию?

— Да. К этому времени почти все наши немецкие родственники уже давно перебрались в различные немецкие города и сумели неплохо адаптироваться. Здесь вообще много русских, я имею в виду даже не этнических русских, а всех, кто приехал сюда из бывшего Союза. Это не только этнические немцы, но и русские, украинцы, прибалты, кавказцы. Всех называют «рус-

скими». Есть много евреев, которые приезжают по особой программе, ведь немцы до сих пор чувствуют свою ответственность за ужасные события, которые произошли здесь в тридцатые-сороковые годы прошлого века.

— Это я знаю, — кивнул Дронго. — Обычно, когда меня спрашивают, говорю ли я на немецком, я отвечаю, что знаю два первых языка Германии и третий знать мне совсем не обязательно.

— Два первых языка? — заинтересовалась Эмма. — Ах да, конечно. Русский и...

— Турецкий, — пояснил Дронго. — Когда гуляешь по улицам немецких городов, слышны разговоры только на этих двух языках. Говорят, что в Германии живут три миллиона турок и еще больше выходцев из бывшего Союза.

Эмма беззвучно рассмеялась. Официантка принесла ее кофе и его чай.

— Это правда, — подтвердила женщина. — Немцы с удовольствием принимали всех, кто хотел сюда приехать. Но я думаю, что эта практика уже закончилась. Теперь они встревожены подобным наплывом иммигрантов из стран Восточной Европы и Азии. И уже думают о том, как решительно сократить этот поток. Я слышала, что недавно даже принят закон, разрешаю-

щий сотрудникам полиции останавливать любого прохожего и проверять его документы, если он выглядит подозрительно.

— Европейские лидеры считают, что эпоха мультикультуризма потерпела крах, и теперь переходят к пассивной обороне, — сказал Дронго. — А если так пойдет дальше, то очень скоро они перейдут к агрессивной наступательной политике. Президент Франции Саркози уже открыто говорит о том, что они готовы даже выйти из Шенгенского соглашения. Наверно, правильно. В Европе оказалось слишком много инородцев и людей, не принимающих современную европейскую ментальность и культуру. Шесть миллионов мусульман во Франции, пять миллионов — в Германии, четыре миллиона — в Великобритании — цифры впечатляют и пугают. А среди приехавших попадаются и не самые добропорядочные граждане. Достаточно вспомнить «тулузского стрелка», который застрелил трех маленьких еврейских детей. И он оказался этническим арабом, но гражданином Франции.

— Это было ужасно, — согласилась Эмма, — просто ужасно. Я помню об этой трагедии. Я могу узнать: как вы оказались в этом городе? Баден-Баден известен в Германии как город, где есть известные казино. Такой маленький Лас-

Вегас. Говорят, что здесь любили играть даже Достоевский и Тургенев.

— И многие другие, — усмехнулся Дронго. — Но я не люблю ходить в казино. Глупо играть, когда у тебя небольшие шансы выиграть у игорного заведения. Но люди непостижимым образом верят, что удача улыбнется именно им и они смогут выиграть. Я не принадлежу к таким «наивным романтикам». Поэтому здесь я оказался проездом. Завтра утром я уезжаю в Берлин.

— И сколько дней вы будете в Берлине? — неожиданно спросила Эмма.

— Наверно, два или три дня. У меня там назначено несколько важных встреч. А почему вы спрашиваете?

— Послезавтра мы собираемся всей семьей в загородном доме моей старшей сестры в Потсдаме, — пояснила Эмма. — Вернее, это дом мужа Анны, моей сестры. Ее муж тоже переехал из Казахстана. Герман Крегер. Но в отличие от нас они переехали в Германию еще в начале девяностых. Возможно, поэтому им было гораздо легче адаптироваться. Они здесь уже почти двадцать лет. А их двоюродная сестра со стороны отца вышла замуж за самого Фридриха Зинцхеймера. Вы, наверно, слышали эту фамилию. Он

один из самых известных адвокатов в Германии. Его прадед был одним из создателей новой юридическо-социологической школы еще в начале двадцатого века. Никогда не слышали?

— Нет, не слышал.

— Герман очень гордится родством с этими Зинцхеймерами.

— Надеюсь, у вашей сестры все в порядке? Я имею в виду ее семейную жизнь?

— Тоже не совсем, — вздохнула Эмма. — Нет, если вы имеете в виду ее отношения с супругом, то там как раз все в порядке. Он прекрасный муж, заботливый отец, хороший друг. Но... в каждой семье есть свои «скелеты в шкафу». Так, кажется, говорят про разные семейные тайны.

— Вы филолог по образованию? — уточнил Дронго.

— Да. Специалист по романо-германской литературе, — кивнула Эмма. — Может быть, наша встреча совсем не случайная, как вы считаете?

— Вы чего-то опасаетесь?

— Во всяком случае, ваше присутствие в загородном доме моей сестры было бы более чем желательным, — уклонилась женщина от конкретного ответа. — Учитывая, что я буду там без

своего мужа, то ваше появление придаст мне больше уверенности. В конце концов, я до сих пор помню, как вас хвалила сестра Мукана. Вы придете к нам?

— В честь чего у вас прием?

— В честь шестидесятипятилетия матери мужа моей сестры. Он будет у них в доме. И мне очень хотелось бы вас там увидеть.

— Но меня не пригласили...

— Я вас приглашаю, — быстро сказала Эмма.

— Не могу обещать, — честно признался Дронго. — Возможно, у меня не получится. Я еще не совсем знаю свое расписание в Берлине.

— Понимаю. Конечно, я вас понимаю. Представляю, как вы вообще относитесь к моему приглашению. Взбалмошная рыжая стерва неожиданно встретила человека на улице и вспомнила, что много лет назад ее познакомили с ним и сообщили, что он работает сыщиком. А теперь, после нескольких минут беседы, она неожиданно приглашает его в дом своей старшей сестры на прием в честь ее свекрови. Все это выглядит глупо, не совсем разумно, если хорошенько подумать. Но разве все в нашей жизни нужно подчинять только диктату разума?

— Вообще-то желательно, — заметил Дронго. — Давайте сделаем так. Вы оставите мне свой номер телефона, и я перезвоню вам, когда буду в Берлине. Если получится, я обязательно приеду.

— Здорово, — женщина достала из своей сумочки визитную карточку, протянула ее Дронго. — Как видите, здесь я еще значусь как Эмма Буземан. А у вас есть своя визитная карточка?

— При моей профессии их обычно не носят, — пояснил Дронго, — но я запишу вам номер моего телефона. — Он достал ручку и, взяв салфетку, написал свой номер. Протянул его женщине.

— Спасибо, — сказала она. — Только учтите, что я могу представиться уже как Эмма Вихерт. Не забудете?

— Нет. — Дронго помолчал, а затем неожиданно спросил: — У вас не было детей?

— Слава богу, не успели. Муж оказался таким типичным немецким бюргером — расчетливым, пунктуальным, аккуратным, добросовестным, занудным и заурядным.

— За исключением двух последних качеств, все остальные не столь плохи.

— Возможно. Но если вы не живете с человеком, который ставит кружки и стаканы на раз и навсегда заведенные места, ходит по воскре-

сеньям в церковь, а по субботам утром честно выполняет свой супружеский долг, словно он дал подобные обязательства раз и навсегда. А расходы денег он контролирует, как добросовестный бухгалтер, и отмечает каждую лишнюю выпитую чашку кофе, — фыркнула от возмущения Эмма. — Извините, я, кажется, излишне эмоциональна. Нельзя быть такой машиной в тридцать шесть лет. А он, похоже, уже никогда не изменится. И это при том, что он уже сейчас работает заместителем генерального директора крупной компании.

— Вы его не любили, — проговорил Дронго.

Это был не вопрос, и она нервно отвернулась, не отвечая на утверждение собеседника. Затем достала из сумочки сигареты, щелкнула зажигалкой, закурила.

— Он мне нравился, — сказала Эмма, — и мне казалось, что все будет нормально. Видит бог, я изо всех сил пыталась стать хорошей супругой. Но у меня тоже ничего не получилось. Возможно, я не права и виноват не он, а именно я. В конце концов, вы правильно сказали, что аккуратный и добросовестный муж — не так плохо. Но иногда это надоедает! — Эмма взглянула на часы. — Ой, я опаздываю! Нужно позвать официантку, чтобы нас рассчитали.

— У вас остались привычки от вашего супруга, — заметил Дронго. — Если вы торопитесь, то можете идти. Я думаю, что сумею наскрести денег, чтобы заплатить за ваш кофе.

Эмма в очередной раз улыбнулась и, забрав свою сумочку, поднялась со стула. Он тоже поднялся. Она протянула ему руку.

— Я действительно буду рада видеть вас в Потсдаме. До свидания. Очень рада была вас еще раз встретить. Все равно позвоните, если не сможете приехать, — мне будет приятно. Или я сама решусь еще раз вас побеспокоить и наберу ваш номер телефона.

Она взяла свои вещи и быстрым шагом вышла из кафе. Дронго подозвал официантку, расплатился по счету и тоже покинул здание. Дождь уже прекратился. Он повернул в сторону своего отеля.

«Интересная встреча, — подумал сыщик, — нужно будет найти время, чтобы побывать на этом приеме».

Глава 2

Он любил Берлин. Анализируя свои чувства к нему, Дронго отмечал, что этот мегаполис менее всего похож на Лондон или Париж, которыми он тоже восхищался. Но эти города почти не